

В. М. ДАЛИН, КАКИМ Я ЕГО ЗНАЛ

В. А. Погосян

Для тех, кому было суждено общаться с Виктором Моисеевичем Далиным лично, он навсегда остался выдающимся ученым, деятельность которого является образцовым примером беззаветного служения исторической науке. Яркий исследовательский талант, колоссальная работоспособность, негибаемая сила воли и чувство высокой ответственности перед избранной профессией позволили ему на протяжении долгого жизненного пути, который отнюдь не был усыпан розами, создать ценнейшие труды по ряду ключевых вопросов новой и новейшей истории Франции, обеспечившие ему почетное место среди блестящей плеяды русских и советских служителей музы Клио, всецело посвятивших себя изучению истории Франции.

Вклад В. М. Далина в разработку многих узловых проблем франковедения и, в частности, истории Французской революции XVIII в. по достоинству оценен и зарубежными учеными, которые неоднократно откликались на его исследования, переведенные на иностранные языки¹. Признанием заслуг советского историка стало его избрание почетным председателем Комиссии по изучению истории Французской революции при Международном комитете исторических наук, почетным доктором Безансонского университета, членом административного совета французского Общества робеспьеристских исследований, членом Итальянского научного центра по изучению эпохи Наполеона.

Со дня кончины В. М. прошло почти два десятилетия. За минувшие годы многое изменилось в российской исторической науке. Благодаря переменам и, в частности, исчезновению диктата господствовавшей коммунистической идеологии, в корне преобразившего облик российского общества, перед отечественными историками открылись широкие возможности для исследования многих, долгое время оставшихся под строгим запретом «нежелательных» тем, а также для пересмотра, казалось бы, незыблемых интерпретаций, выдвинутых советскими предшественниками по глобальным вопросам методологического характера. Как отмечал Ф. Бродель, «ис-

¹ См.: *Погосян В.А.* Библиография трудов Виктора Моисеевича Далина и литература о нем (1902–1995) // Исторические этюды о Французской революции. Памяти В. М. Далина (к 95–летию со дня рождения). М., 1998. С. 70–87.

тория обречена на новшество»². Это, без всякого сомнения, самая грустная черта, присущая нашей науке. Как бы ни был талантлив историк, со временем его работы не сохраняют в полной мере свою силу. В свете новейших достижений историографии не все, конечно, интерпретации В. М. Далина сегодня признаются бесспорными. Тем не менее, его вклад в разработку важнейших проблем истории Франции так весом, что к нему еще неоднократно будут обращаться исследователи будущих поколений.

В целом, гораздо проще, как мне представляется, обратиться к изучению творческого наследия В. М., чем писать о личности этого незаурядного человека. Задача эта осложняется и тем, что автору сих строк довелось долгие годы работать под его заботливым руководством, а это обстоятельство, на первый взгляд, предполагает наличие субъективного подхода. Но, тем не менее, считаю необходимым хоть беглыми штрихами обрисовать портрет В. М. – исследователя и гражданина. Его методы работы, как и, в равной степени, предъявляемые им к своим ученикам требования, несомненно будут поучительны для многих, в том числе, для молодого поколения историков.

В. М. был одним из самых ярких представителей своего поколения, которое вступило в жизнь в переходную эпоху и получило воспитание в соответствии с повелительными требованиями революционного времени. Его юность и молодость были озарены лучами Октябрьской революции, и это обстоятельство наложило неизгладимый отпечаток на формирование его психологии, мышления и поведения. Романтизм в сочетании с неудержимым желанием скорейшего коренного переустройства общественной жизни был характерной чертой творцов революции на ее заре. До самой кончины В. М. свято верил в идеалы далекого 1917 года, претворению в жизнь которых он всецело посвятил все силы и знания.

Участник первых боев за установление советской власти, активный комсомольский работник, занимавший высокие посты, В. М. пришел в науку в ту пору, когда марксистская методология вела непримиримую борьбу за свое самоутверждение. Став под руководством академика Н. М. Лукина одним из самых последовательных историков-марксистов первой волны, Далин, во имя утверждения господства новой методологии, активно включился в беспощадную идеологическую борьбу против исследователей, полностью или даже частично не принимавших марксизм. Сегодня самое беглое ознакомление с его выступлениями той поры не оставляет и тени сомнения, что их автор, как и все без исключения представители марксистской школы, воодушевленный новым методологическим подходом, проявлял излишнюю категоричность в суждениях, ничем необоснованную нетерпимость к малейшим отклонениям от марксистской интерпретации,

² Цит. по: *Thuillier G., Tulard J. Les écoles historiques. P., 1990. P. 5.*

подчас неоправданную суровость по отношению к исследователям, не разделявшим взглядов Н. М. Лукина. Возможно, в те годы и быть не могло по-другому, ибо речь идет о поколении молодых исследователей, получивших историческое образование сразу же после победы социалистической революции, которая открыла, как им представлялось, новую эру в судьбе человечества. Они горели желанием все перевернуть вверх дном, сметая на своем пути все то, что олицетворяло старые порядки.

Чтобы не быть голословным, приведу для характеристики позиции самого Далина такой пример: в те годы он с присущим ему молодым задором страстно выступал против академика Е. В. Тарле, воспринимая его, как буржуазного ученого. Даже во время научной командировки во Францию в 1929–1930 гг., по собственному признанию В. М., у него не было ни малейшего желания присутствовать на публичной лекции находившегося тогда в Париже «идеологического противника». И хотя он на нее все же пошел, но с большой неохотой.

Однако в последние годы жизни В. М. считал Тарле выдающимся ученым, которого высоко ценил. С особым почтением он говорил о его работах дореволюционного времени, отмечал обширнейшую эрудицию и литературное мастерство. Что же касается негативного отношения представителей школы Лукина к Тарле, то В. М. с горечью признавал, что и он сам в те годы такое отношение разделял.

В. М. Далин прожил богатую жизнь. Ему довелось лично общаться и долгие годы сотрудничать со многими руководящими деятелями советского государства и международного рабочего движения. Впоследствии, касаясь этого вопроса, он вспоминал: «Я слушал выступления В. И. Ленина, лидеров партии и Коминтерна, был свидетелем важнейших событий политической жизни страны. К. Цеткин, Э. Тельман, А. Грамши, П. Тольятти, Д. Серрати, М. Кашен и М. Торез были для меня живыми людьми, которых я видел и знал, а не хрестоматийными фигурами»³. Но в отличие от многих других, В. М. Далин без большой охоты говорил о своих встречах и общении с людьми, олицетворявшими целую эпоху. Исключение он делал только для ученых с мировым именем. До конца своих дней В. М., к примеру, с особой гордостью и с большим восторгом вспоминал о своих встречах в Париже с крупнейшим исследователем истории Французской революции Альбером Матъезом, которого наряду с Лукиным и В. П. Волгиным считал одним из своих учителей⁴. Он не только во всех деталях передавал содержание своих с ним бесед на научные темы, рассказывал об оценках данных Матъезом Сталину, Троцкому, а также А. Олару и многим другим истори-

³ Далин В. М. Полвека изучения истории Франции // Далин В. М. Из истории социальной мысли во Франции. М., 1984. С. 3.

⁴ Оболенская С. В. В. М. Далин – почетный доктор Безансонского университета // ФЕ. 1985. М., 1987. С. 310–311.

кам, но и описывал его внешность, манеру держать себя, особенности характера.

Однако Матьез, научным наследием которого В. М. восхищался, не был для него предметом слепого поклонения даже в годы его молодости. В 1930–1931 гг. Далин вместе со своими коллегами выступил против Матьеза, когда тот подверг резкой критике сложившуюся в СССР политическую систему, превращение исторической науки в априорную догму, «которая и является своеобразным марксизмом, понимаемым и применяемым на манер катехизиса»⁵, а также тех гонений, которым подвергся ряд советских историков (Е. В. Тарле и др.) со стороны Сталина. Здесь не место подробно обсуждать эту, мягко говоря, неплодотворную для советских исследователей дискуссию⁶, в ходе которой Матьез разгромил своих оппонентов, назвав их «сталинскими историками»⁷. Отметим, однако, что советские историки в своих выступлениях против него с радостью ухватились за такую, более чем лестную, на их взгляд, оценку, которой они гордились и восхищались⁸.

В данной связи, нам хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство. Во время «перестройки» некоторые авторы, ссылаясь на этот пример и на выдвинутую советскими историками 20–30-х годов концепцию якобинской диктатуры, однозначно одобрявшую все имевшие место за годы Французской революции эксцессы, с язвительной и непростительной иронией упоминали о трагической судьбе тех, кто, восхваляя Робеспьера или якобинский террор, сами вскоре стали жертвами сталинских репрессий⁹. Никто из писавших подобным образом почему то не задумался над тем, что речь шла о настоящей трагедии целого поколения исследователей, над головой которых уже был занесен меч сталинизма.

Помимо Матьеза, среди французских историков разных направлений, с которыми В. М. связывала многолетняя творческая дружба, он особенно высоко ценил творчество Ф. Броделя, Э. Лабрусса, А. Собуля, Ж. Годшо и Ж. Брюа. Неоднократно общаясь с ними лично во время их московских визитов, В. М. установил с французскими коллегами очень дружеские отно-

⁵ Цит. по: Лукин Н. Новейшая эволюция Альбера Матьеза // Историк–марксист. 1931. Т. 21. С. 40.

⁶ См. об этом: Friguglietti J. Albert Mathiez historien révolutionnaire (1874–1932). P., 1974. P. 210–216; Полемика Альбера Матьеза с советскими историками. 1930–1931 гг. Предисловие В. А. Дунаевского // НиНИ. 1995. № 4; Дунаевский В. А. Николай Михайлович Лукин (1885–1940) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. М., Иерусалим, 2000. С. 316–317.

⁷ См. письмо А. Матьеза Ц. Фридлянду от 20 декабря 1930 г. // Полемика Альбера Матьеза с советскими историками. С. 205.

⁸ Фридлянд Ц. «Казус» Матьеза // Борьба классов. 1931. № 1. С. 104.

⁹ См. например: Молчанов Н. Н. Монтаньяры. М., 1989. С. 555.

шения и в конце жизни признавал, что это общение во многом способствовало расширению его научного кругозора¹⁰.

Особо теплыми были его отношения с Альбером Собулем¹¹, вместе с которым он подготовил в 60-х годах опись рукописных документов Гракха Бабефа, а в дальнейшем осуществил международное издание его сочинений в четырех томах¹². В то же время В. М. не испытывал особых симпатий к представителям так называемого «ревизионистского» направления, принципиально не принимая их воззрений. К примеру, называя Э. Леруа-Ладюри талантливым историком, он весьма сожалел, что тот не придерживался марксистской методологии. Здесь уже, на мой взгляд, давало о себе знать не только историческое воспитание В. М., однозначно отвергавшее все отклонения от марксизма, но и возраст.

С Далиным, помимо крупнейших западных ученых поддерживали тесные научные контакты и представители молодого поколения исследователей различных стран (Франции, Венгрии, Португалии и ряда других), для которых он был непререкаемым научным авторитетом. Однако его вклад в науку был высоко оценен в первую очередь светилами французской историографии. Так, Бродель, познакомившись с его исследованием о французских историках XX в., писал ему: «Чудо то, что Вы, находясь в Москве, сумели проследить за всеми подробностями бесконечно сложного историографического спора»¹³. Собуль же, в разговоре с автором этих строк, в июне 1978 г. назвал Далина «хорошим другом и крупным ученым». Восторженные оценки его трудов неоднократно высказывались и другим крупнейшим специалистом по истории Французской революции Ж. Годшо¹⁴.

Судьба уготовила В. М. трудную участь. Лучшие годы творческой жизни ему было суждено провести в сталинских лагерях. Будучи человеком крайне сдержанным, он редко и весьма неохотно говорил про этот период своей биографии. Но однажды все же коснулся этой темы. По его словам, ему предъявлялись обвинения в связях с троцкистами. На вопрос были ли у него такие связи, В. М., с грустной улыбкой ответил: «В те годы достаточно было человека увидеть в разговоре с кем-то». Несмотря на беспоч-

¹⁰ *Daline V. Hommes et idées. Moscou, 1983. P. 5.*

¹¹ См. его трогательные воспоминания о нем: *Daline V. Albert Soboul. Un ami fidèle... // АНRF. 1983. № 253.*

¹² *Inventaire des manuscrits et imprimés de Babeuf. P., 1966; Бабеф Г. Собрание сочинений в 4-х томах. М., 1975–1982; Oeuvres de Babeuf. P., 1977. Т. 1.*

¹³ Из письма Ф. Броделя В. М. Далину от 5 декабря 1983 г. (любезно предоставлено мне М. В. Далиным). Об отношении Ф. Броделя к В. М. Далину см.: *Смирнов В. П. Виктор Моисеевич Далин // Исторические этюды о Французской революции. С. 22.*

¹⁴ См. например: *Погосян В. А. Виктор Моисеевич Далин (1902–1985) // Портреты историков. С. 420, 423.*

венность этого обвинения¹⁵, ему, тем не менее, не удалось избежать осуждения на десять лет и ссылки, ибо как отмечал Д. А. Волкогонов, «в те годы слово троцкист звучало как приговор»¹⁶. «Следователь, который вел мое дело, сказал: “В Вашем деле цыпленок еще не вылупился из яйца, но как минимум лет десять Вам дадут”», – вспоминал В. М.¹⁷ Однако ему пришлось, в общей сложности, провести в заключении около 17 лет (в 1947 г. его арестовали и сослали вторично)¹⁸.

В. М. по всем параметрам, как он сам признавал, не был пригоден к тем работам, которые предназначались для политзаключенных. Однако, даже в таких условиях, он не пал духом. Ныне покойный сотрудник Института истории АН Армении Г. Г. Мелконян, разделивший в те годы его горькую участь, рассказывал мне, с каким воодушевлением Далин читал на французском языке лекции по французской истории для тех, кто находился рядом с ним.

Незаконный арест, заключение и ссылка безусловно наложили глубокий отпечаток на его дальнейшее поведение и образ мысли. Он, в частности, избегал разговоров на политические темы, не одобрял критических высказываний о политике правительства или о каких-либо пороках советской действительности, рекомендовал проявлять большую сдержанность при разговорах на эти темы, а лучше и вовсе избегать их, порицал за знакомство и общение с иностранцами, не являвшимися гостями АН.

Прошлое Далина во многом помешало гармоничному развитию его научной карьеры. Приведем самый разительный пример. Глубоко преклоняясь перед творчеством советского ученого, французские коллеги и, в частности, Ф. Бродель, неоднократно изъявляли желание пригласить его во Францию для совместной работы. Но все эти попытки закончились ничем. Еще в 1960 г. советские власти запретили В. М. Далину участвовать в международном коллоквиуме в Стокгольме, посвященном 200-летию со дня рождения Бабефа, а его доклад там был зачитан Б. Ф. Поршневым. В. М.

¹⁵ См об этом: *Далин М.В.* «Запечатленные моменты» из жизни В.М. Далина – пламенного революционера и трепетного поклонника музыки Клио // Исторические этюды о Французской революции.

¹⁶ *Волкогонов Д.А.* Троцкий. Политический портрет. М., 1992. Кн. 2. С. 188.

¹⁷ В этой связи, чтобы получить представление о царившей в стране обстановке, можно вспомнить свидетельство А.И. Солженицына, который в своей книге приводит характерный разговор одного из начальников конвоя со своим подчиненным. На вопрос, за что дали одному из заключенных двадцать пять лет, последний ответил: «Да ни за что». На это начальник конвоя возразил: «Врешь. Ни за что – десять дают». – *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования. М., 1990. Т. 1. С. 210.

¹⁸ См. об этом: *Погосян В.А.* Виктор Моисеевич Далин (1902–1985). С. 418.

дали понять, что он, бывший политзаключенный, не был полностью реабилитирован и не имел право на выезд за пределы СССР¹⁹.

На столь грустную ситуацию В. М. смотрел более чем философски, однако избегал разговоров на эту щекотливую тему. В последние годы жизни он на приглашения зарубежных коллег (Ж. Шарля и др.) отвечал вежливым отказом, ссылаясь на состояние здоровья. Не впадая в уныние, что, в принципе, было не совместимо с характером такого волевого человека, как В. М., он часто подчеркивал, что можно писать по истории Франции интересные научные работы и в Москве, имея в распоряжении богатые архивы.

В этой связи следует обязательно сказать об одной из особенностей творчества Далина. В науке он выбирал непроторенные пути, и все основные труды, вышедшие из под его плодovitого пера в 50-80-е годы, – результат тщательного изучения многочисленных архивных первоисточников, к которым до него не прикасалась рука историка. Как профессионал он придавал первостепенное значение исследованию архивных документов, без чего, в принципе, немислимо всестороннее и глубокое изучение прошлого. Впоследствии он об этом писал: «Историк, никогда не работавший в архиве, подобен футболисту, ни разу в жизни не забившему ни одного гола»²⁰. Именно поэтому В. М. с удовольствием и часто приводил пример Ж. Лефевра. Этого историка он высоко ценил и, к слову сказать, очень переживал, что был лишен возможности личного общения с ним во время своей единственной научной командировки во Францию, ибо тот находился тогда в провинции. В. М. подчеркивал, что при написании своей книги о крестьянах департамента Нор Лефевр вел архивные изыскания в течении нескольких десятилетий.

Страстный труженик, крупный знаток всех тонкостей исследовательской работы, В. М. Далин и от своих учеников требовал упорной, многолетней работы в архивах, бережного отношения к документам, поверхностного изучения которых категорически не принимал. Дабы помочь молодым историкам сориентироваться в этой не очень простой, особенно в начале исследовательской работы, области, он при необходимости, несмотря на преклонный возраст, даже зимой ходил вместе с ними в архивы, помогая при расшифровке неразборчивых рукописных материалов. В. М. считал архивные изыскания непременным условием успеха исторических исследований и неотъемлемой частью творчества научного сотрудника. Он высоко ценил профессионализм в науке, ведь его собственные работы, как отмечал В. П. Смирнов, «дают нам образец высококачественного научного иссле-

¹⁹ А. И. Солженицын в этой связи метко заметил: «Освободились-то мы еще очень мало – головы да рты, но по плечи мы увязали по-прежнему в болоте рабства». – *Солженицын А. И.* Указ. соч. М., 1990. Т. 3. С. 247.

²⁰ Далин В. М. Указ. соч. С. 10.

дования; могут служить примером научной добросовестности и высочайшего профессионализма»²¹.

До конца своих дней В. М. свято чтит память своих учителей и безвременно ушедших из жизни коллег. Преданность и высочайшее чувство долга перед памятью покойных друзей – выдающихся ученых с мировым именем, украшали его как человека и гражданина. По его инициативе, часто созывались заседания Французской группы, посвященные памяти Н. М. Лукина, В. П. Волгина, А. З. Манфреда, Б. Ф. Поршнева, А. Соболя и др., где он выступал с душевными, пламенными и искренними речами. Когда В. М. говорил об этих людях, об их подчас горькой судьбе, его глаза нередко наполнялись слезами.

С особой признательностью он вспоминал имя академика В. П. Волгина, называя его «благороднейшим человеком»²². С большой теплотой он рассказывал о том радушном приеме, который Волгин, в то время вице-президент АН СССР, оказал ему в 1946 г. после отбытия первого срока заключения. «Кем я был, беспаспортным бродягой. Другие головы отворачивали, а он, приоткрыв двери своего кабинета, принял меня как самого близкого человека», – отметил он во время одного из своих выступлений на заседании группы по изучению истории Франции. Именно благодаря помощи Волгина, В. М. после окончательного обретения свободы был поручен перевод второго тома избранных произведений Марата, что, в частности, стало важным материальным подспорьем для бывшего заключенного.

В. М. Далин около полувека дружил и сотрудничал с одним из крупнейших историков XX столетия – Альбертом Захаровичем Манфредом. Познакомившись с ним еще в 20-х годах, в семинаре Лукина по истории французского социалистического движения, он на протяжении всей жизни остался беспредельно верным этому замечательному ученому, которого ценил больше, чем всех остальных. Его отношение к Манфреду служит образцовым примером преданности и верности памяти ушедшего из жизни друга.

Манфред был для Далина высочайшим научным авторитетом. В. М. оценивал его намного выше себя, хотя на самом деле, в своем «ремесле историка» вряд ли уступал другу, занимая в науке равное с ним положение. При возникновении спорных вопросов В. М. неоднократно подчеркивал: «А Вы посмотрите, как пишет Альберт Захарович. Какие он дает объяснения». Правда, считая Манфреда, историка поистине незаурядного таланта, одаренного редчайшим литературным дарованием, недостижимым в науке, он, тем не менее, все время отмечал, что материал следует излагать не су-

²¹ Смирнов В. П. Указ. соч. С. 21.

²² См. Далин В. М. Благороднейший человек. (Из воспоминаний о В. П. Волгине) // ФЕ. 1979. М., 1981. См. также: Далин В. М. Полвека изучения истории Франции. С. 16–31.

хо, сугубо академично, а в литературном виде – именно так, как это умел делать Альберт Захарович. Помимо того, давая, при необходимости, советы в жизненных вопросах, он часто ставил в пример поведение Манфреда, с удовольствием обращая внимание на то, каким тот был галантным в общении человеком.

Помню, как при жизни В. М. некоторые из его коллег со снисхождением констатировали, что он боготворил Альберта Захаровича. Отчасти это и, действительно, было так. Я никогда не позволял себе затрагивать в разговоре с ним эту болезненную тему и, естественно, не претендую на исчерпывающее суждение по этому поводу. Думаю, что основная причина проявления с его стороны столь подчеркнутого пиетета по отношению к памяти безвременно ушедшего из жизни друга, по всей вероятности, крылась в том, что заслуги А. З. Манфреда так и не были по достоинству оценены советской Академией наук. Ее члены упорно не хотели принимать в свои ряды этого выдающегося и, по справедливому замечанию Ю. В. Борисова, «достойнейшего из достойных»²³ историка. Далин, тяжело переживая его безвременную кончину, с глубокой грустью говорил, что жизнь Альберту Захаровичу укоротили надвигавшиеся в декабре 1976 г. выборы в АН, где тот собирался баллотироваться. Не раз терпевший неудачу на предыдущих выборах, Манфред, как рассказывал В. М., сильно переживал накануне голосования, и, в конце концов, нервы не выдержали этого напряжения: он не дожидаясь выборов четыре дня²⁴.

В. М. очень многое сделал для подготовки к печати рукописей Манфреда, чьи посмертные работы вышли под его редакцией и с его предисловиями²⁵. В. М. выступал также с интересными статьями, посвященными жизни и творчеству А. З. Манфреда. Его памяти он посвятил и свою книгу об историках Франции.

Основными принципами, которыми руководствовался В. М. Далин на протяжении своей жизни, как он сам отметил во время своего последнего выступления, были трудолюбие, честность и добросовестность²⁶. В. М. был человеком исключительного трудолюбия. Даже в последние месяцы жизни, после перенесенного в сентябре 1984 г. инсульта, он рано вставал и

²³ Борисов Ю. В. Альберт Захарович Манфред // Портреты историков. С. 414.

²⁴ Отметим, что сразу же после кончины, словно по мановению волшебной палочки, А. З. Манфред превратился в «виднейшего» и «крупнейшего» советского историка, «крупнейшего советского ученого». См.: Известия. 24 декабря 1976 г. С. 4; Советская культура. 24 декабря 1976 г. С. 4; Литературная газета. 26 января 1977 г. С. 14; Вопросы истории. 1977. № 3. С. 219. Такова была советская действительность.

²⁵ Манфред А. З. Три портрета эпохи Великой французской революции. Руссо, Мирабо, Робеспьер. М., 1978; Он же. Великая французская революция. М., 1983; *Manfred A. Z. Napoléon Bonaparte*. М., 1980.

²⁶ Оболенская С. В. Указ. соч. С. 311.

сразу же садился за письменный стол, единственным украшением которого был макет Эйфелевой башни, привезенный им когда-то из Парижа. В первой половине дня он обычно писал, а во второй читал книги, газеты, редактировал работы коллег и учеников, отвечал на письма многочисленных корреспондентов. Несмотря на то, что писать ему становилось все труднее (последнее письмо, которое я получил от него, написано уже рукой его сына М. В. Далина), В. М. был на редкость обязательным и аккуратным корреспондентом. Он отвечал на полученные письма сразу же после их получения, вне зависимости от того, кто их прислал – А. Собоуль, Ж. Годшо или какой-нибудь начинающий исследователь, которого он и в лицо-то не знал.

В творческой жизни В. М. особое место занимала редакторская работа, съедавшая львиную долю времени. Тем не менее, он выполнял ее с большим удовольствием. Отметим, что в 60-80-х годах под его редакцией вышло более пятнадцати научных монографий, осуществилось, как уже было отмечено, издание сочинений Бабефа. Он принимал также деятельное участие в подготовке к публикации собрания сочинений Н. М. Лукина, переиздании книг В. П. Волгина. В разное время В. М. Далин входил в редакционные коллеги таких изданий, как «Борьба классов», «Историк-марксист», «Французский ежегодник», «Памятники исторической мысли». Особо следует отметить его неоценимый вклад в редактирование «Французского ежегодника», душой которого, по общим оценкам, он был со дня основания. Сначала как член редакционной коллегии, а затем, почти четверть века, как заместитель ответственного редактора, он вложил много сил для сохранения высокого научного уровня этого издания, приглашая к сотрудничеству таких известнейших зарубежных историков, как Ф. Бродель, А. Собоуль, Ж. Годшо, Ж. Р. Сюратто, В. Марков и др. В то же время он от всей души одобрял и приветствовал публикацию статей молодых исследователей. Далин тщательно подбирал материалы для каждого тома, по несколько раз прочитывал намеченные к публикации материалы, особо бережно относился к работам начинающих историков, тщательно редактируя их статьи. Рассказывая о редакторском мастерстве Волгина, В. М. отмечал: «Он вносил не только принципиальные изменения, но делал литературную правку, отмечал и исправлял неточности, порядок слов, неудачные выражения, устранял повторения, машинописные погрешности, исправлял даже знаки препинания»²⁷. Все это в равной степени применимо и для характеристики самого В. М. как редактора.

В. М. Далин был человеком кристальной честности и порядочности. Честность, по его убеждению, должна была быть *conditio sine qua non*, без которого немислима подлинная научно-исследовательская работа. Этому об-

²⁷ Далин В. М. Полвека изучения истории Франции. С. 20.

стоятельству он придавал первостепенное значение, о чем свидетельствуют даже сделанные им дарственные надписи на разных, подаренных мне книгах. На третьем томе сочинений Бабефа, например, в 1978 г. он написал: «A mon cher Varoujean, dans l'espoir qu'il travaillera assidûment et qu'il lira immensément comme il le faut pour devenir un véritable et honnête historien» («Моему дорогому Варужану, в надежде, что он будет работать усидчиво и читать очень много, на должном уровне, чтобы стать настоящим и честным историком») Надпись же, сделанная летом 1983 г. на книге «Hommes et idées», гласит: «A mon cher Varoujean, dans l'espoir qu'il deviendra un véritable savant bien honnête et très érudit» («Моему дорогому Варужану, в надежде, что он станет настоящим ученым, очень честным и очень эрудированным»).

Если помимо честности, В. М. требовал в науке упорства и добросовестного отношения к выполняемой работе, то в жизни он настаивал также на проявлении терпимости и сохранении чувства собственного достоинства. Как-то посоветовав обратиться для публикации одной статьи в редакцию журнала «Новая и новейшая история», он сразу же добавил: «Ничего не надо просить, не надо унижаться».

В. М. Далин был не только весьма заботливым, но и на редкость требовательным научным руководителем. Он полагал, что начинающий исследователь обязан на перекрестках исторической науки выбирать, по возможности, самый сложный путь. Он очень переживал, что молодые историки почти полностью игнорируют изучение экономической истории. У своих же учеников В. М. требовал тщательного подбора источников, проявления критического к ним отношения, чтения современных зарубежных исторических журналов, знание классической, в особенности, французской и русской художественной литературы (сам он очень ценил творчество Л. Н. Толстого), повседневного расширения знаний и исторического диапазона. Следует особо отметить, что, сам обладая колоссальной эрудицией, он придавал ее развитию первостепенное значение. При этом Далин очень не любил, когда другие говорили про его глубокие, разносторонние познания. В апреле 1979 г., при обсуждении в секторе новой истории ИВИ АН рукописи его книги «Историки Франции», он вежливо перебил одного из выступавших, заявив: «Товарищи, не надо так часто упоминать про мою эрудицию: что она из себя представляет в сравнении с эрудицией моих предшественников – Лукина, Савина, Тарле».

В одесской гимназии В. М. выучил французский, немецкий и латынь. Впоследствии он изучил также английский и итальянский языки. Полагая по праву, что исследователь, занимающийся историей западных стран, обязан свободно владеть несколькими языками (в особенности, языком изучаемой страны), В. М. требовал от своих учеников безукоризненного знания иностранных языков. В разговорах часто переходя на французский

язык, он упрекал за каждую, казалось бы, малейшую ошибку. Как-то он привел мне пример одного из своих коллег: «Он грамматику французского языка очень плохо знал и все время с трибуны выступал с ошибками. Но он был крупным ученым, ему это было простительно, а Вы молодой, Вас никто прощать не будет. Вы обязаны говорить на этом языке без ошибок».

В. М. был глубоко принципиальным ученым, не отступавшим от своих позиций. Тем не менее, он никогда не принуждал других, в том числе своих учеников, разделять его взгляды или его точку зрения, не показывал имевшуюся между ним и молодыми историками разницу, а в разговорах с ними обычно отмечал: «Это мое мнение, Вы можете его не принимать». В то же время, сам он редко кому-либо делал замечания и заранее при этом извинялся.

Человек неподдельной скромности, В. М. в разговорах на научные темы избегал, по возможности, упоминания своих исследований, тем самым подтверждая правдивость высказывания Бальзака о том, что «выдающиеся таланты никогда не говорят о своих творениях»²⁸. Правда, перевод его книг на французский язык и появление на них рецензий за рубежом, приносили ему на старости лет большую радость.

И еще об одной особенности его характера. В. М. был очень доброжелательным человеком, всегда готовым протянуть руку помощи тем, кто находился рядом. К нему за консультациями обращались не только его коллегии и ученики, но и посторонние исследователи, о существовании которых он до этого понятия не имел. Его личная библиотека мало чем отличалась от публичной, ибо он никогда не отказывал окружавшим в возможности пользоваться своими, полученными в дар от зарубежных коллег книгами, которых не было в московских библиотеках.

Таким он был, Виктор Моисеевич Далин, цельная личность, ученый огромного таланта, оставивший яркий след в мировой исторической науке.

²⁸ Бальзак О. Собрание сочинений в 24-х томах. М., 1960. Т. 13. С. 399.